

**Раздел V
ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА
(ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ)**

**Part V. THE PROBLEMS OF LANGUAGE
(PHILOSOPHICAL JUDGEMENT)**

УДК 13 + 17 + 37.0 + 316.3/.4

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ИДЕИ СОЗДАНИЯ МИРА
(ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)**

С. В. Мальцева (Калуга)

Данная статья посвящена анализу идеи создания мира как лингвистического феномена с позиции этико-философского мировоззрения. Рассматривается вопрос реконструкции естественного языка и переосмыслении границ личностного творчества, в котором проявляется субъективное восприятие мира, сложный опыт познания человеком реальности, включающий способность познающего субъекта к самокоррекции. Выдвигается предположение о связях между различными сторонами реальности и влиянии языка на данную реальность.

Ключевые слова: всемирный язык, комбинаторика, фразык, словотворчество.

**THE LINGUISTIC CONTEXT OF THE IDEAS OF WORLD CREATION
(AN ETHICAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS)**

S. V. Maltseva (Kaluga)

The article is devoted to the analysis of the idea of world creation as a linguistic phenomenon from the positions of ethical-philosophical worldview. The issue of natural language reconstruction is being examined; moreover, the attention is paid to the comprehension of an individual creation with the help of one's language in combination with the idea of subjective world-perception, which is based on the composite process of reality-cognition, including the capability of the person to bring out one's potential as well as to control the process itself. The author formulates a hypothesis that there is a strong connection between various sides of reality and the influence of language on this reality.

Мальцева Светлана Васильевна – аспирант кафедры философии и социологии ГОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского». 248600, г. Калуга, ул. Ленина, д. 83.
E-mail: sv-maltseva@bk.ru

Key words: *ethics, perception, comprehension, cognition, epistemology, word, world-language, reconstruction, ontology, theory of combinations, logos, parent language, word-creation, communication.*

Тема смешения языков и попытка поставить точку в данных дискуссиях, открыв или придумав язык, общий для человеческого рода, проходит через всю историю всех культур (см. : [1; 2]). Несомненно, язык содержит в себе миропорождающий, функциональный потенциал, и в данной статье мы остановимся на понятии реконструкции языков с позиций философско-этического переосмысления, совершенствования функций и структуры, выявления новых связей между различными сторонами реальности, а также совершенствования языка в практическом плане. Огромный интерес к изучению языков объясняется также тем, что «язык – один из способов исследования мышления» [3].

Общие закономерности осмысления человеком познаваемой действительности, сотрудничество в целях коммуникации обуславливают как определенное единообразие общих принципов восприятия мира и его осмысления, так и достаточное сходство в формах протекания процессов активного взаимодействия субъекта с миром, сознательной, мыслительной деятельности человека. Однако каждому субъекту принадлежит нечто индивидуальное, определяющее восприятие и осмысление воспринятого. Это в полной мере согласуется с пониманием того, что познание не есть отражение сознанием неизменной данной реальности, но моделирование сугубо «человеческой» реальности. Язык отражает способность человека «видеть мир и осмыслять его в разных ипостасях и проявлениях» [4].

Бытие как субъективная реальность и человек, познающий в принципе все бытие, взаимосвязанные стороны познавательного процесса, – осмысляются на языковом уровне как единство двух типов элементов в содержании предложения, – но субъективных в одно и то же время, с одной стороны, отражающих отношение мыслящего субъекта к этой действительности, а с другой – отражающих действительность. Естественно, отсюда и возникают вопросы о том, как и в какой мере проявляется присутствие человека в языке, какими бывают языковые способы выражения субъективности, как субъективность влияет на усложнение смысловой структуры высказывания.

В семантическом пространстве естественного языка свое отражение находит любое пространство – будь то ментальное пространство идеального и должного, эмпирического и мифического, реального, видимого и кажущегося. Обратим внимание на важный факт: язык – явление всеобщее, все люди разговаривают между собой. Под языком мы подразумеваем использование знаков, которые, не будучи предметами и явлениями, к ним приравниваются условно; упрощенно говоря, язык – это обмен знаками. Язык играет ведущую роль в саморазвитии отдельного языкового сообщества.

Но вот в чем скрывается противоречие. Фундаментальным качествам языка, о которых говорилось выше, то есть его всеобщности и универсальности как средства общения, постоянно противопоставляется его собственное развитие в виде отдельных, локальных языков; тезис об уни-

версальности языка опровергается фактом его раздробленности и расплывчатости на множество его отдельных проявлений. Отсюда рождаются различные предположения о первопричинах смешения–рассеяния языков – сначала на уровне мифа, а позже и философии языка. Так, например, миф о вавилонском столпотворении, слишком краткий и туманный в своей литературной версии, навеивает мечту о возвращении к предполагаемому праязыку – райскому, утраченному, способному вывести из лабиринта. С другой стороны, миф изображает смешение–рассеяние языков как непоправимую мировую катастрофу. В общем, здесь мы коснулись еще одной особенности языка, а именно: раз существует перевод, то можно предположить в любом человеке способность овладеть иностранным языком. Это подводит нас, в свою очередь, к размышлениям о некоторых скрытых качествах языка, связанных с разговорной практикой (здесь мы имеем в виду рефлексивное свойство языка): саморефлексия языка как точка самопонимания мышления, которая, в свою очередь, – точка субъекта в потоке субъективности. Как известно, этика у Шлейермахера понимается как самопросвещение общественной практики во всех ее формах, и мы согласимся с этим утверждением, поскольку, в свою очередь, сама по себе философская мысль, сохраняющая себя через язык, далее в саморефлексии углубляет трансцендентальную структуру, преобразуя свой язык и фиксируя это преобразование в тексте. Продолжая рассуждения об этике как «о науке жизненности духа» [5], необходимо упомянуть об одной не менее важной и интересной философской мысли Гумбольдта о языке как о духе народа. И сразу перед нами открывается новая тесная взаимосвязь данных понятий в философии – языка и этики. Жизнь развивается и поддерживается духом в определенной языковой среде. Нравственность косвенно проявляется в языке, в тех грамматических формах, которые отражают менталитет народа, в речи, в тех формах, которые человек использует для выражения своей субъективности и индивидуального языкового творчества, для отражения себя через среду. Познание, соответственно – индивидуальный переход или возможность данного перехода от субъекта к субъекту, встреча сознаний посредством социальных знаков, и, как правило, продукт такого взаимодействия обязательно проявится в языке, в его практической части, речи. «Сообщество «знающих» является не трансцендентальной предпосылкой знания, но его реальной основой и его историческим результатом» [6]. Тожественное использование языковых знаков гарантирует не только познание. Средством перехода от непрерывности опыта к сообщению является язык.

Для конституирования знания контакт между мыслящим, говорящим и самой действительностью, безусловно, необходим так же, как и контакт между субъектом и другим. Но другой субъект выступает не как простой предмет и не как коммуникативный продукт односторонне утверждаемого акта речи. Язык связан с актом познания не внешним, а внутренним, органическим способом, ибо он выражает истинное сообщество включенных в круг познания людей [5]. И в данном случае исходным пунктом в философско-этическом восприятии этой проблемы является понимание субъекта (человека) как индивидуальное тождество внешней и внутренней сторон языка с конструктивной подвижностью в любом измерении.

Возможные миры понимаются не онтологически, как нечто отличное от реального мира, а эпистемологически и этически, как другой вариант видения реального мира. Миры создаются, как отмечает Н. Гудмен, «при помощи слов, цифр, картин, звуков и любых иных символов в какой угодно среде» [7].

Потенциалом «миропорождения» обладают многие языковые единицы, среди которых: модальные операторы, переводящие высказывание в план других возможных положений дел; средства, используемые для идентификации и распознавания темпорально различных миров – грамматическое время, наречия времени, то есть шифтеры, а также глаголы пропозициональной установки. Вышеназванные типы языковых единиц задают мир, в рамках которого мыслится описываемая ситуация. Языковые средства выражения коррелируют с конструкторами ментальных пространств (Ж. Фоконье), они становятся своеобразным сигналом границы миров, маркируя изменение модального плана высказывания.

Для определения границ нашего дискурса отметим, что в данной статье нам хотелось бы подчеркнуть именно антропологичность идеи создания мира как лингвистического феномена, а также тот факт, что становление человеческой личности зависит от степени оснащения языковой стороной жизни, слова, в котором также отражается интерсубъектность мира.

Отдадим должное предшественникам и остановимся на положениях тех древних мыслителей, которые внесли свой вклад в развитие данной теории. Так, например, стоикам было прекрасно известно, что если в греческом языке всякий звук соответствует идее, то эта идея наверняка присутствует и в сознании варвара, просто варвар не владеет связью между греческим звуком и своей идеей [8].

Когда-то понятие «логос» означало и мысль, и речь. Древнегреческая традиция в контексте своей атомистической ориентации интерпретировала предложение как архитектурно складывающееся из имен (например, феномен дискретности речи в концепции Аристотеля). Тем самым в рамках традиционной культуры были обозначены контуры определяющего классическую концепцию языка противостояния семантического и синтаксического векторов (так называемые «философия имени» и «философия предиката»).

Для всех оппозиций общим является понимание идентификации как освоения и совпадение образа «демиурга имен» с космостроителем. В нашем случае мы будем утверждать, что человек и является тем самым «космостроителем», который и задает ход течения жизни на Земле. Именно в языке коренится для человека возможность свершения своего высшего предназначения: язык есть способность человека «сказать бытие», артикулировать в языковых структурах его голос, ибо устами говорящего говорит само бытие, обретающее в языке сферу своей презентации, – и в этом плане язык есть дом бытия и рефлексия творения человека. В свете этого «дар речи есть не какая-то одна из человеческих способностей рядом со многими другими. Дар речи отличает человека, только и делая его человеком. Этой чертой очерчено его существо <...> Сущность человека покоится в языке» [9].

Толкование языка как проявление активности человеческой сущностной экзистенции и идея наполняемости языковых структур бытием в интеллектуально-волевом человеческом усилии дополняет современную парадигму философии языка, заставляет взглянуть на этот вопрос с позиции этической философии. Можно утверждать, что язык в контексте этой философской парадигмы задает принципиально новое видение языковой и знаковой реальностей, поскольку «высказывания о языке столь многообразны, а подчас и противоречивы, что не представляется возможным их упорядочить <...> в схему, логически развивающуюся в исторической перспективе» [3].

Следовательно, мы можем утверждать, что любому тексту свойственно как внешнее, так и внутреннее содержание. По определению А. И. Новикова, внутреннее содержание текста – «мыслительное образование, которое формируется в интеллекте человека и соотносится с внешней формой не поэлементно, а в целом соответствует всей совокупности данных языковых средств» [10]. Внутреннее содержание, или, другими словами, семантика текста существует в виде той информации, которая возбуждается под воздействием совокупности языковых средств; поэтому, говоря о семантике текста, имеют в виду «содержание текста в отношении к средствам его выражения» [10]. Основным методологическим принципом такого подхода к рассмотрению языка является помещение его в более широкий – антропологодеятельностный – контекст, установление места текстовой деятельности в системе других видов человеческой деятельности. При таком рассмотрении содержание текста осмысливается как функционально наполненное, что обеспечивает необходимость правильного отбора языковых средств и их четкого употребления в процессе реализации намерения и замысла автора. С точки зрения философской этики можно утверждать, что язык – лабиринт, попав в который однажды, человек всю жизнь блуждает; но каждый раз он волен выбирать свой путь, где одно и то же высказывание может пониматься по-разному. Любая мысль может быть выражена разными способами. По этому принципу построены толковые словари, которые дают определения словам с помощью других слов. Исследователи семиотики полагают, что благодаря этому феномену язык способен осмысливать сам себя. Мы уже упоминали, что речь идет о рефлексивном свойстве языка. Эту же возможность используем и мы, когда нам приходится, например, переформулировать тезис, который был недостаточно кем-то понят. Между тем сказать то же самое, но по-другому – это именно то, что делает переводчик, переводя текст на иностранный язык. Таким образом, внутри нашего собственного языкового сообщества мы сталкиваемся с той же загадкой: с невозможностью найти идентичные средства выражения одной и той же мысли, чтобы адекватно передать ее смысл. В другом человеке, будь он вашим соотечественником, всегда есть что-то от иностранца. Согласно Т. Гоббсу, «подобно тому, как люди обязаны всем своим истинным познанием правильному пониманию словесных выражений, так и основание всех заблуждений кроется в неправильном понимании последних <...> язык что паутина: слабые умы цепляются за слова и запутываются за них, а более сильные же легко сквозь них прорываются» (цит. по : [11]).

Мы, в свою очередь, хотим подчеркнуть, что естественный язык можно обогатить и личным творческим усилием. Комбинаторика букв производит реальность, а не отражает ее. Творение мира происходит с помощью слова. «Сила языка – в конструкции и деконструкции логоса» [12], то есть во власти языка заключается возможность конструировать и одновременно реконструировать логос. Говорить – значит открывать мысли, зародившиеся в уме. Существуют слова, которыми говорят, и слова, которыми создают окружающую действительность. Последние – это «слова творящие», те слова, которые несут в себе мощный энергетический потенциал человека, который их произносит, это космический логос, это тонкая материя, формирующая бытие человека человеком. Слово есть продолжение мысли, и исходя из этого, слово – творящая материальная субстанция. Слова в языке сравнимы с волшебным лугом, где «после появления новых цветов, старые не вянут, не теряют своей яркости и свежести...» [3]. Тем не менее облачение в грубую внешнюю форму языковой речи привело к тому, что так называемое «говорение сердцем» перешло на косвенное говорение – через переводчика.

Сегодня главное – пробуждение от невежества, а путь пробуждения – путь практический, путь к себе, а от себя к выстраиванию гармонических отношений с окружающим. Главное в этом процессе – понять, что человек творит с помощью собственного сознания, включая и активизируя возможности как своего физического тела, так и энергетику слова, формируя тем самым собственный космос [13]. Иными словами, язык может быть выстроен, несмотря на несовершенство философии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Загорюлько Л. П. Языковое образование в условиях глобализации // Философия образования. – 2010. – № 4 (33). – С. 249–255.
2. Дмитриенко В. А., Лелюшкина К. С. Проблема обучения иноязычному обучению в системе образования // Философия образования. – 2010. – № 4 (33). – С. 256–262.
3. Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. – М. : Наука, 1979.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
5. Schleiermacher F. Ethik. – Hamburg, 1981.
6. Scholz G. Die Philosophie Schleiermachers. – Darmstadt, 1984.
7. Гудмен Н. Способы создания миров. – М. : ЛогоS : Идея-Пресс : Праксис, 2001. – 376 с.
8. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. – СПб. : Alexandria, 2009. – 417 с.
9. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и Бытие. – М. : Республика, 1993.
10. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. – М. : Наука, 1983. – 215 с.
11. Noel Malcom. Aspects of Hobbes. – New York : Oxford University Press, 2002.
12. Laskiene S., Lapeniene D. Construction of reality perception through the means of linguistic expression: postmodern viewpoint // Философия образования. – 2008. – № 2 (23). – С. 168–175.
13. Зайцев А. К. Философия ведической цивилизации. – Калуга : Эйдос, 2005. – С. 30–50.